

УДК 340.12

doi:10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).08

5.1.1

Теория общего блага и утилитаризм в истории учений о праве и государстве

Алексей Вениаминович Дмитриев

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия,
talveg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4342-5821>

Аннотация. В свете постановления Конституционного Суда Российской Федерации на наших глазах происходит юридикация обязательств современного поколения перед будущими. Такие обязательства обсуждаются в рамках теории общего блага и утилитаризма. В статье дается обзор истории теории общего блага и утилитаризма, сравнительный анализ двух правовых учений, их роль в истории государства и права России, начиная с конца XVIII века, и показывается их место в учениях о праве и государстве. На основе методов исторической реконструкции и интеллектуальной истории автором делается вывод, что утилитаризм со второй половины XIX века начинает сближаться с теорией общего блага до степени смещения. Критика общего блага связывалась с исторической формой данного учения: с абсолютной монархией, полицейским государством. Правовая конструкция общего блага сегодня служит легитимации государственной власти и механизма правового регулирования в качестве элемента конституционной обязанности, метода балансировки частных и публичных интересов. Правовые принципы общей пользы и исключения общего вреда характерны как для теории общего блага, так и для утилитаризма. Критика утилитаризма, в свою очередь, вызывается архаичными местами теории: отрицанием прав человека, ценности правопорядка, умалением справедливости. Современные концепции политико-правовых теорий (утилитаризма, либерализма, позитивизма и др.) ослабляются с целью достижения сложного и компромиссного баланса конкурирующих принципов – общего блага, справедливости, свободы, равенства.

Ключевые слова: общее благо, утилитаризм, правовые учения, общая польза, общий вред, свобода, равенство, справедливость, права человека

Для цитирования: Дмитриев А. В. Теория общего блага и утилитаризм в истории учений о праве и государстве // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 3 (42). С. 99–108. DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).08.

The Theory of the Common Good and Utilitarianism in the History of the Doctrines of Law and the State

Alexey V. Dmitriyev

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia,
talveg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4342-5821>

Abstract. In the light of the ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation, the obligations of the modern generation to the future are being legalized before our eyes. Such obligations are discussed within the framework of the theory of the common good and utilitarianism. The article provides an overview of the history of the theory of the common good and utilitarianism, a comparative analysis of two legal doctrines, their role in the history of the

state and law of Russia since the end of the XVIII century, and shows their place in the teachings of law and the state. Using the methods of historical reconstruction and intellectual history, the author concludes that from the second half of the nineteenth century utilitarianism began to approach the theory of the common good to the point of confusion. The criticism of the common good has been associated with the historical form of this doctrine: with an absolute monarchy, with a police state. The legal construction of the common good today serves to legitimize state power and the mechanism of legal regulation, as an element of constitutional duty, a method of balancing private and public interests. The legal principles of common benefit and exclusion of common harm are characteristic of both the theory of the common good and utilitarianism. The criticism of utilitarianism, in turn, is caused by the archaic parts of the theory: the denial of human rights, the values of the rule of law, the trivialization of justice. Modern concepts of political and legal theory (utilitarianism, liberalism, positivism, etc.) are weakened in order to achieve a complex and compromise balance of competing principles - the common good, justice, liberty, equality.

Keywords: common good, utilitarianism, legal doctrines, common benefit, common harm, liberty, equality, justice, human rights

Введение

В одном из Постановлений Конституционного Суда России была затронута значимая проблема правовой теории – момент возникновения правоспособности у личности. Суды общей юрисдикции в конкретном деле посчитали, что если к моменту смерти отца ребенок еще не родился, то правоспособностью не обладал, и поэтому гибель отца не могла вызвать физические и нравственные страдания у еще не родившегося ребенка. Судьи Конституционного Суда РФ, проанализировав на предмет конституционности пункт 2 статьи 17 ГК Российской Федерации, пришли к выводу, что данный пункт является конституционным, поскольку «действующее правовое регулирование не предполагает безусловного отказа в компенсации морального вреда лицу, которому физические или нравственные страдания причинены в результате утраты близкого человека, в том числе когда к моменту его смерти или наступления обстоятельств, приведших к ней, член семьи потерпевшего (его ребенок) еще не родился», «факт причинения морального вреда ребенку во всяком случае должен предполагаться, в том числе если на момент смерти отца ребенок еще не родился» [Постановление Конституционного Суда РФ ... 2023]. Тем самым Конституционный Суд РФ посчитал, что действующее правовое регулирование в данном конкретном случае учитывает интересы еще не родившихся детей. Вопросы об учете при правовом регулировании интересов нерожденных поколений (детей, внуков и т. п.) ставят современные ученые. По их мнению, действующее законодательство может учитывать интересы еще не родившихся поколений, а, следовательно, когда они рождаются, они вправе потребовать компенсации морального вреда, причиненного предшествующими поколениями. Такой подход развивается в плоскости теории общего блага и утилитаризма: У. Кимлика относит их к «не основанному на опыте предпочтениям» [Кимлика 2010, с. 36], Д. Ролз – к сбалансированному обязательству современного поколения перед будущими [Ролз 2010, с. 255, 260], а А. В. Прокофьев – к заслуживающим внимания «интересам будущих поколений» [Прокофьев 2013, с. 14].

Цель исследования – проанализировать с помощью методов интеллектуальной истории теорию общего блага и утилитаризма в России с XVIII века до настоящего времени, показать общие и отличительные черты данных теорий, что является предметом исследования. Объектом исследования являются законодательство, литература и иные источники, объединенные историческим контекстом и общим понятийным рядом. Для получения результатов использованы догматический, сравнительный методы, метод исторической реконструкции, методы истории понятий и интеллектуальной истории.

Результаты и обсуждение

Теория общего блага имеет длительную античную [Аристотель 1983, с. 380; Нерсесянц 1977; Нерсесянц 1984; Грачев 2009, с. 185–186, 205–206], средневековую историю [Аквинский 2010, ч. 2, кн. 1, Вопрос 96, разд. 1, 4; Грачев 2009, с. 248–249], бурно развивается в периоды Возрождения [Скиннер 2018, т. 1, с. 98, 103, 105, 107–109, 111, 116, 132–134, 241, 256, 257, 360–379, 404] и Нового Времени [Гапаров 2022, с. 26, 27; Бугров, Киселев 2016, с. 116]. Практический разум (общее благо) являлся предметом естественного права того времени [Финнис 2012, с. 435]. Как отмечает Дж. Финнис, естественное право понималось как проявление практического разума, формулирующего «условия и принципы практически разумного строя мысли, благого и надлежащего порядка в отношениях между людьми и в индивидуальном поведении» [Финнис 2012, с. 37, 131, 209]. В понятие общего блага мыслители Нового времени включали знание, практическую разумность и религию как высшие ценности. В этих условиях теория общего блага стала всеобщей догмой Западной Европы Нового времени, неотъемлемой частью дискуссий о праве и законе, содержала правовую модель выявления, согласования, признания и защиты различных интересов, притязаний, воли членов общества. Общее благо как основная категория теории получило применение в различных контекстах, оно стало основой для разных политических доктрин: буржуазного республиканизма, конституционной монархии, абсолютной монархии и др.

К концу XVIII века теория общего блага получает распространение в России благодаря переводам на русский язык трудов, преимущественно, немецких ученых. Принципы и подходы к общему благу, высказанные французскими просветителями и английскими утилитаристами, в целом не разделялись российскими интеллектуалами в силу причин: 1) доминирования в России немецкой версии теории общего блага; 2) слабости связи с интеллектуальной мыслью Англии и Франции, в силу дискредитации идей Просвещения Французской революцией 1789 г., казнью Людовика XVI и Марии-Антуанетты в 1793 г. Российская теория общего блага заимствовала успешные разработки европейских правоведов, что являлось прогрессивным шагом для отечественной правовой науки и законодательства. В трудах отечественных ученых можно выделить типы общего блага как категории. Теория общего блага представляла собой естественно-правовую конституцию (публично-правовую доктрину) и служила основанием просвещенного абсолютизма в Российской империи [Омельченко 2001, с. 48–50, 61–62, 100–101, 362].

Как верно утверждал О. А. Омельченко, именно политико-правовая доктрина общего блага выступила основой для политики государственного реформизма, систематизации и унификации законодательства, выработки критериев ограничения публичной власти, для доктрины государственного либерализма в России [Омельченко 2001, с. 56, 118, 268, 281, 332, 335, 337]. Теория общего блага получила развитие в сфере законотворчества и правоприменения, при государственном контроле и надзоре, в торговом (фискальном) регулировании, орденой системе знаков. В законодательстве Российской империи получили развитие принципы теории общего блага: 1) принцип легитимации доктрины просвещенного абсолютизма и всеобщей монархии (общее благо как цель правления и управления государственными органами и должностных лиц); 2) принцип общей пользы, при котором юридически значимым становится интерес и благо как конкретного лица, так и группы лиц и иных субъектов (польза частная и коллективная, государственная), а также установление баланса между общими и частными интересами; 3) принцип исключения общего вреда, при котором юридически значимым становится факт отсутствия ущерба для конкретного лица, группы лиц и иных субъектов [Дмитриев 2023]. Развитие теории общего блага в законодательстве повлияло на систему законодательства (общие и частные законоположения), вызвало усиление защиты прав граждан при отправлении правосудия, изменение правового статуса собственности, декриминализацию преступлений, либерализацию наказаний в духовной сфере, дополнительную регламентацию деятельности полиции. Теория

общего блага усиливала процессы рационализации политической и правовой мысли, централизации и легитимации государства, кодификации права, выступала средством модернизации социальных и правовых институтов. Теория общего блага являлась теоретическим основанием защиты блага всех и каждого (прав человека).

Новым течением в развитии принципа пользы в праве стало учение *Иеремии Бен-тама* (1748–1832), который полагал под правом искусство достижения «наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов». И. Бентам понимает «общественный интерес» как сумму интересов отдельных членов общества, соответственно всеобщее счастье – как сумму счастья индивидуальных судеб, давая собственную интерпретацию обеспечению блага всех и каждого. Средством достижения этой цели, в видении Бентама, должна служить “моральная арифметика” – расчет полезного эффекта всех принимаемых решений» [Яркова 2019, с. 83]. Согласно его мнению, в законодательство нужно включать права, которые были бы полезны обществу, а права, вредные и бесполезные для человека, – исключать [Остроух. Учение ... 2002].

Некоторые произведения И. Бентама в изложении С. Дюмона, удалявшего из текста антирелигиозные выпады и другие острые углы («ранний Бентам»), на русском языке стали издаваться в начале XIX века и сразу получили отклик у М. М. Сперанского и Н. С. Мордвинова – корреспондентов И. Бентама [Колосов 2021, с. 54, 182]. Но на теорию общего блага, распространенную в России, подход И. Бентама практически не повлиял.

Утилитаризм И. Бентама имеет много общего с теорией общего блага: во-первых, утилитаризм и теория общего блага имеют общий терминологический аппарат (русский аналог бентамовского счастья – «блаженство», «благосостояние»); во-вторых, у утилитаристов (И. Бентам) и русских теоретиков общего блага были единые предшественники – Г. Гроций, С. Пуфендорф, И. Г. Юсти, Д. Неттельбладт, Ч. Беккариа [Бен-там 1867, т. 1, с. 417]; в-третьих, смысл двух теорий был один: люди руководствуются стремлением к счастью; к несчастью ведут страсти, ничем не ограниченные желания. Законы должны учитывать эту природу людей и стремиться к общему благу. Общее благо обеспечивается, когда в общей пользе заключаются выгоды и преимущества каждого; в-четвертых, оба учения допускают вмешательство государства в общественную жизнь ради «социального блага» [Дерюжинский 1906, с. 191; Козьминых 2011, с. 89]; в-пятых, обе теории провозглашают принцип пользы главным в государственной политике и законодательстве [Варламова 2012, с. 93] и указывают на необходимость соблюдения баланса между интересами каждого человека и общим благом [Колосов, Сигалов 2020, с. 468; Остроумов, Соловьев, Фомичев 2015, с. 167; Покровский 1916, с. 591]. Обе теории первое время выступали за сохранение крепостного права, сословного неравенства, укрепление института государства [Бен-там 1806, т. 2, с. 66, 121; Бен-там 1867, т. 1, с. 457, 464; Покровский 1916, с. 122].

Однако между двумя теориями есть и различия. Во-первых, И. Бентам учился у английских философов (Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Д. Юма, Д. Локка), французских энциклопедистов (Ф. Вольтера, К. Гельвеция и Ж. Д’Аламбера), итальянского правоведа Ч. Беккариа и воспринял их подход к общему благу [Ковалев 2020, с. 9; Хайек 2006, с. 540, 541], который в основном воспринимался как метод для обеспечения счастья на земле, а не на Небесах [Покровский 1916, с. 138]. Во-вторых, утилитаризм и теория общего блага разделяются по своему основанию и спецификации блага: утилитаризм базируется на концепции блага философии гедонизма, эпикуреизма, а теория общего блага – на концепциях блага стоицизма и перфекционизма [Ролз 2010, с. 36; Лихтер 2020, с. 14]. В-третьих, разделяются данные учения по области приложения: последователи учения «позднего И. Бентама», содержавшего антиаристократические, буржуазно-демократические идеи (лишь некоторые произведения были переведены на русский язык в 60-х гг. XIX века) [Покровский 1916, с. 241–246, 264, 270, 291, 338], концентрировали усилия на расширении буржуазных свобод, либерализма и конституционализма (а впоследствии – коллективизма и социализма) [Остроумов, Соловьев,

Фомичев 2015]. Как отмечает А. А. Ковалев, И. Бентам был вовлечен в революционные движения в Испании, Португалии, Греции и Южной Америке [Ковалев 2020, с. 9]. Им был составлен Конституционный кодекс, копии которого получили власти Греции, Аргентины и Колумбии. Таким образом, в утилитаризме был сделан значительный крен в сторону свободы, равенства и конституционализма, что соответствовало посылу Декларации независимости США 1776 г. и французской Декларации прав и свобод 1789 г. о том, что люди должны сами, посредством учреждения республиканской формы правления, обеспечить общее благо. В то время как среди сторонников теории общего блага в России были распространены консервативные идеи, не допускающие вольность и конституцию в качестве высших ценностей. В российской теории общего блага упор был сделан на обеспечение общего блага в иерархическом (неравном) обществе полицейскими методами, что соответствовало априорному практическому разуму (естественному праву). Это гармонизировало с политикой просвещенного абсолютизма и деспотизма, при которой монарх и узкий круг бюрократов обеспечивали общее благо в стране. В-четвертых, теория общего блага в Российской империи создавала смыслы, отсутствующие в утилитаризме (общее благо как максимизация общественной и государственной пользы, общее благо как сбалансированный интерес государства, общества, личности, принцип исключения общего вреда). С другой стороны, некоторые ключевые взгляды И. Бентама не могли быть приняты в Российской империи (например, убеждение И. Бентама, что правовое принуждение и правовые обязательства есть зло [Бентам 1805, т. 1, с. 141; Бентам 1806, т. 2, с. 2; Бентам 1867, т. 1, с. 167, 320]; что право и обязанности – «вымышленные сущности» [Покровский 1916, с. 313]). В-пятых, утилитаризм И. Бентама развивал идеи предшественников, сделал принцип пользы единственным методом законодательной техники [Покровский 1916, с. 315]. И. Бентам разобрал понятие субъективных благ и страданий, их роли в законодательстве (блага и страдания описаны в терминах более двух десятков чувств и ощущений). В то время как в Российской империи использовались подходы, не абсолютизовавшие принцип пользы, делавшие акцент на общей пользе, а не на субъективных благах и страданиях. В-шестых, И. Бентам выступил против естественного права и религиозных догматов в законодательстве, несовместимых с принципом пользы [Покровский 1916, с. 366, 521]. Понятие блага как удовольствия не могло сосуществовать с естественно-правовыми положениями законодательства и религиозно-христианскими установками в Российской империи. В-седьмых, для суммирования страданий и удовольствий, по И. Бентаму, необходимы соответствующие процедуры (организация соответствующих подсчетов, квалификации, обучения, разработка критериев приемлемости удовольствий и учета страданий, способов суммирования). Так, для легитимации/делигитимации правления И. Бентам предлагал сравнивать зло от повиновения с возможным злом от неповиновения [Покровский 1916, с. 354]. В Российской империи не были известны инструменты для проведения таких процедур. Принцип работы законодателя и правоприменителя на основе естественного права заключался в необходимости познавать себя, природу, чтобы уловить закономерности идеального закона и внести их в текст законопроектов. В-восьмых, ранний И. Бентам предлагал учитывать интересы (удовольствия) только людей – индивидов, закрепляя их в законодательстве посредством «моральной арифметики» (к концу жизни И. Бентам допускал учет интересов не только индивидов, но и социальных групп посредством формул «возможно большее счастье», «возможно большее счастье всех») [Покровский 1916, с. 332, 333 прим., 576]. В правовой доктрине и законодательстве Российской империи в формуле «благосостояния всех и каждого» учитывались интересы людей (это особо подчеркивалось), а также интересы иных субъектов естественного права – государства, гражданского общества, юридических лиц и даже Бога. Баланс данных интересов приводит к другой модели. Разрешение конфликтов интересов разноуровневых субъектов отдавалось правоприменителю – в зависимости от конкретных условий и обстоятельств. Законодательство давало лишь ориентиры «общей пользы» и «общего вреда». Способ достижения общего

блага в двух теориях был различен: у И. Бентама он заключался в вычитании из суммы удовольствий суммы страданий; российский законодатель находил баланс между интересами различных сословий, чтобы принять гармоничное правовое решение.

Более поздние работы западного утилитаризма [Милль 1860; Милль 1861; Sidgwick 1884] практически не оказали влияния на политическую и правовую мысль Российской империи. Дж. Ст. Милль ввел понятие «утилитаризм» и развил учение И. Бентама. Дж. Ст. Милль полагал, что личное счастье базируется на «идее согласования интересов – как интересов отдельных людей, так и общезначимых социальных интересов» [Азнагулова 2018, с. 15]. Г. Сиджвик свел учение к сочетанию принципов справедливости, рационального благоразумия и рациональной благожелательности, которые выступают как утилитарные регулятивы, регламентирующие отношение человека к личному и универсальному благу [Яркова 2019, с. 84]. Как отмечает Е. Н. Яркова, общей для всех утилитаристов являлась идея баланса партикулярного (личного) и универсального (общественного) блага [Яркова 2019, с. 84], что сближает утилитаризм и теорию общего блага. Однако теория общего блага, в отличие от утилитаризма, не была в Российской империи частным учением, а трансформировалась в конце XVIII века в господствующую политико-правовую доктрину, которая из-за близости к абсолютизму и полицейскому государству к 1917 году утратила значение.

Теория общего блага и утилитаризм стали одной из основ современного естественного права [Финнис 2012, с. 52], западного либерализма (Д. Ролз, Р. Дворкин), экономической школы права (Р. Познер) [Поляков, Козлихин, Дорохин 2021, с. 1075], либертаризма (Ф. Хайек, Р. Нозик) [Осипова 2015, с. 12], современной демократии [Кимлика 2010, с. 13, 28], теорий общественного и рационального выбора, теории игр, анализа затрат и выгод, управленческой науки [Ковалев 2020, с. 13].

Правовая конструкция общего блага сегодня используется в конституционно-правовом регулировании как критерий для ограничения прав, легитимации государственной власти и механизма правового регулирования [Дедов 2003, с. 275; Кимлика 2010, с. 347], как конституционная обязанность, как метод балансировки частных и публичных интересов [Дмитриев 2021]. Д. И. Дедов определяет общее благо как такое состояние общества, при котором «решения, регулирующие общественные отношения и затрагивающие неограниченный круг членов общества, имеют целью принести и приносят пользу для любого и каждого человека <...>, независимо от его индивидуальных предпочтений...», т. е. «универсальным интересам», которые выступают критерием развития права, целью государства и права [Дедов 2003, с. 10–11, 77, 79]. Современной правовой науке известен принцип исключения общего вреда, который применяется при привлечении к юридической ответственности [Финнис 2012, с. 437], при использовании отрицательного критерия справедливости [Алекси 2011; Хайек 2006, с. 211].

А. Н. Остроух справедливо полагает, что утилитаризм И. Бентама – это разновидность концепции общего блага [Остроух. Джереми Бентам ... 2002, с. 225]. П. Л. Лихтер противопоставляет теорию общего блага утилитаризму, который, по его мнению, внутренне противоречит современному принципу справедливости или принципу общего блага [Лихтер 2020, с. 13, 17], однако это утверждение носит, скорее, историко-правовой характер и справедливо по отношению к раннему утилитаризму – «бентанизму».

Дело в том, что со времени Дж. Ст. Милля (вторая половина XIX века) утилитаризм начинает сближаться с теорией общего блага до степени смешения, в конце XX века растворяется в других течениях консеквенциализма [Балашов 2021, с. 11–12; Варламова 2012, с. 97; Дедов 2003, с. 192; Золотарева 2019, с. 58; Остроумов, Соловьев, Фомичев 2015, с. 170; Яркова 2019, с. 84]. При этом некоторые авторы считают такое учение уже не утилитаризмом [Варламова 2012, с. 97]. Вместе с тем среди ученых продолжается дискуссия о том, когда в утилитаризме начинают развиваться идеи баланса индивидуальных и общественных интересов, свободы, справедливости – с И. Бентама или с Дж. Ст. Милля, Г. Сиджвика [Гаджикурбанова 2010, с. 118; Остроумов, Соловьев, Фомичев 2015, с. 167, 170; Резаев, Трегубова, Жихаревич 2014, с. 32; Яркова 2019, с. 83].

Надо отметить, что современная критика в адрес теорий преимущественно касается утилитаризма, а не теории общего блага: 1) утилитаризм приравняется к частной консеквенциалистской теории (Р. Дворкин, Д. Ролз, Ф. Хайек); 2) более поздние версии утилитаризма (утилитаризм правил) противопоставляются «бентанизму» (утилитаризму действия), идеальный утилитаризм – примитивному [Дворкин 2004, с. 139, 213, 317; Дедов 2003, с. 193; Ролз 2010, с. 34, 35; Хайек 2006, с. 187]; 3) отмечается, что утилитаризм утрачивает свою оригинальность при взаимодействии с ценностями свободы, честности, равенства, справедливости, если уступает им первое место в иерархии принципов; 4) утилитаризм есть не что иное, как частная теория с акцентом на практической пользе индивида или социальной группы, с отрицанием прав человека на первичные блага (жизнь, знание, игру, эстетический опыт, дружбу, практическую разумность, религию и свободу) и условий для их реализации, имманентной связи частных и общих предпочтений и соответствующего им правопорядка [Финнис 2012, с. 118–123, 199, 272, 274, 380].

Сегодня принцип пользы рассматривается исключительно вместе с принципом справедливости, свободы и равенства, уважения к правам человека [Финнис 2012, с. 44, 220, 234], при этом общая польза становится целью справедливых отношений, права, распределения ресурсов, соотношение которых может меняться. Так, Р. Дворкин в интересах экономической эффективности допускает частичное поглощение частного блага общим благом [Дворкин 2004, с. 134]. Д. Ролз ставит свободу и справедливость на первое место, а принцип полезности – на второе [Ролз 2010, с. 38], он не разрывает с утилитаризмом, а является сторонником «либерализма благосостояния» [Алексеева 1992, с. 11, 28] или «утилитарного либерализма» [Кашников 2005, с. 11, 12; Резаев, Трегубова, Жихаревич 2014, с. 33; Асташов, Петров 2016, с. 9; Балашов 2021, с. 11; Яркова 2004, с. 179]. Ф. Хайек приходит к выводу, что обеспечение благосостояния всех и каждого с соблюдением принципа равенства и справедливости, но без учета принципа свободы возможно только при деспотизме [Хайек 2006, с. 251–252]. Дж. Финнис считает, что диктатура закона без учета принципа общего блага есть тирания [Финнис 2012, с. 341].

Большинство авторов допускает отход от первоначальных теорий (утилитаризма, либерализма, позитивизма и т. п.) с целью достижения сложного и компромиссного баланса конкурирующих принципов – общего блага, справедливости, свободы, равенства [Дворкин 2004, с. 217, 270, 279, 298, 303, 318; Ролз 2010, с. 8; Хайек 2006, с. 239–240].

Заключение

Теория общего блага в России сформировалась к концу XVIII в. благодаря переводам на русский язык трудов преимущественно немецких ученых. Теория общего блага получила развитие в сфере законотворчества и правоприменения, усиливала процессы рационализации политической и правовой мысли, централизации и легитимации государства, кодификации права, выступала средством модернизации социальных и правовых институтов, являлась теоретическим основанием защиты блага всех и каждого (прав человека). Новое правовое учение И. Бентама (утилитаризм) представляло «общественный интерес» как сумму интересов отдельных членов общества, соответственно всеобщее счастье – как сумму счастья индивидуальных судеб. Утилитаризм И. Бентама, хотя и имел общие черты с теорией общего блага, не прижился в России ввиду ряда существенных отличий (выступление против естественного права, правопорядка, религии, в силу юридизации требований «моральной арифметики» и т. п.). Со второй половины XIX века утилитаризм начинает сближаться с теорией общего блага до степени смешения. Критика общего блага связывалась с исторической формой данного учения: с абсолютной монархией, полицейским государством. Критика утилитаризма, в свою очередь, вызывается архаичными местами теории: отрицанием прав человека, ценности правопорядка, умалением справедливости. Тем не менее теория общего блага и утилитаризм стали одной из основ современных учений о праве и государстве.

Правовая конструкция общего блага сегодня служит легитимации государственной власти и механизма правового регулирования, в качестве элемента конституционной обязанности, метода балансировки частных и публичных интересов. Правовые принципы общей пользы и исключения общего вреда сегодня характерны как для теории общего блага, так и для утилитаризма. Современные концепции политико-правовых теорий (утилитаризма, либерализма, позитивизма и др.) ослабляются с целью достижения сложного и компромиссного баланса конкурирующих принципов – общего блага, справедливости, свободы, равенства. На такой теоретической базе правоведа смогут обосновать, а законодатели, правоприменители – правовыми средствами обеспечить баланс интересов ныне живущих и будущих поколений людей в России и по всему миру.

Список источников

- Азнагулова Г. М. Идея полезности как государственно-правовой идеал английского либерализма XVIII века // Правовое государство: теория и практика. 2018. Т. 14, № 3 (53). С. 12–17. EDN XZUGST.
- Аквинский Ф. Сумма теологии / пер. с лат. С. И. Еремеева, А. А. Юдина. Ч. 2-I. Вопросы 90–114. Киев : Ника-Центр, 2010. 432 с.
- Алексеева Т. А. Справедливость как проблема политической философии: На материалах американской политической мысли : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Алексеева Татьяна Александровна ; Ин-т философии. М., 1992. 48 с.
- Алекси Р. Понятие и действительность права = Begriff und Geltung des Rechts : (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Н. Лаптева, при участии Ф. Кальшойера. М. ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2011. 173 с.
- Аристотель. Политика. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. 619 с.
- Асташов Д. С., Петров А. В. Принцип полезности в воззрениях И. Бентама // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2016. Т. 16, № 1. С. 7–11. DOI 10.14529/law160101. EDN VQUATN.
- Балашов Д. В. Дистрибутивные теории справедливости: от утилитаризма и обратно // Антиномии. 2021. Т. 21, № 3. С. 7–29. DOI 10.17506/26867206_2021_21_3_7. EDN SCILVK.
- Бентам И. Избранные сочинения Иеремии Бентама / пер. по англ. изд. Боуринга и фр. Дюмона, А. Н. Пыпина и А. Н. Неведомского. Т. 1 : Введение в основание нравственности и законодательства : Основные начала уголовного кодекса / с предисл. Ю. Г. Жуковского. СПб : Рус. книж. торговля, 1867. [8], LXII, [2], 678 с.
- Бентам И. Разсуждение о гражданском и уголовном законоположении : С предварительным изложением начал законоположения и всеобщаго начертания полной Книги законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов : в 3 т. Т. 1 : [Начала законоположения]. СПб : Тип. Шнора, 1805. XLV, [11], 532 с.
- Бентам И. Разсуждение о гражданском и уголовном законоположении : С предварительным изложением начал законоположения и всеобщаго начертания полной Книги законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов : в 3 т. Т. 2 : [Начала гражданского уложения]. СПб : Тип. Шнора, 1806. XVI, [8], 622, [2] с.
- Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века : монография. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та ; Университетское изд-во, 2016. 476, [3] с.
- Варламова Н. В. Политическая философия утилитаризма и доктрина прав человека // Государство и право. 2012. № 9. С. 93–97. EDN PFOZJL.
- Гаджикурбанова П. А. Summum Bonum в классическом утилитаризме // Этическая мысль. 2010. № 10. С. 114–130. EDN PUXGDH.
- Гапаров И. А. Понятие пользы в новоевропейском рационализме и эмпиризме // Семиотические исследования. 2022. Т. 2, № 1. С. 23–32. DOI 10.18287/2782-2966-2022-2-1-23-32. EDN PGXFKY.
- Грачев Н. И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества : монография. М. : Зерцало-М, 2009. 318, [1] с.

- Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М. : РОССПЭН, 2004. 392 с.
- Дедов Д. И. Общее благо как система критериев правового регулирования экономики. М. : Тип. изд-ва МГУ, 2003. 276 с.
- Дерюжинский В. Общественное мнение и законодательство в Англии // Вестник Европы. 1906. № 11. С. 154–196.
- Дмитриев А. В. Развитие принципов теории общего блага в законодательстве Российской империи второй половины XVIII – первой трети XIX века // Юридическая техника. 2023. № 17 : материалы XXIV Междунар. науч.-практ. форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 21–24 сентября 2022 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород : ЮНИКОПИ, 2023. С. 260–268.
- Дмитриев А. В. Юридическая конструкция общего блага // Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 15–16 апреля 2021 года / редкол.: Л. А. Закс [и др.]. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2021. С. 246–251. EDN XZYMSY.
- Золотарева Т. Н. Основные идеи либерализма и их теории в трудах философов XVII–XIX вв. // Философия и общество. 2019. № 3 (92). С. 49–61. EDN MPDIWS.
- Кашников Б. Н. Этические содержание и смысл либеральных теорий справедливости : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.05 / Кашников Борис Николаевич. Рязань, 2005. 26 с.
- Кимлика У. Современная политическая философия. Введение / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. 588, [1] с.
- Ковалев А. А., Князева Е. Ю. Иеремия Бентам о теории организации, принятии управленческих решений, государственном управлении и политике: история и современность // Вопросы управления. 2020. № 3 (64). С. 6–19. DOI 10.22394/2304-3369-2020-3-6-19. EDN WKHZUO.
- Козьминых Е. С. Политико-правовые идеи Дж. Ст. Милля в восприятии либералов «Вестника Европы» // Вестник Пермского университета. Серия : История. 2011. № 2 (16). С. 88–94.
- Колосов И. В. Правовые воззрения утилитаристов в XVIII–XXI вв. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Колосов Игорь Владимирович; [Место защиты: Российский университет дружбы народов]. М., 2021. 215 с.
- Колосов И. В., Сигалов К. Е. Действительно ли И. Бентам был первым правовым утилитаристом? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. 2020. Т. 24, № 2. С. 438–471. DOI 10.22363/2313-2337-2020-24-2-438-471. EDN KZGGXO.
- Лихтер П. Л. Влияние консеквенциализма и этики долга на формирование конституционно-правовых институтов в эпоху потребления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 9 (118). С. 11–18. DOI 10.17803/1994-1471.2020.118.9.011-018. EDN QJFUKU.
- Милль Дж. С. О свободе : пер. с англ. / Соч. Джона Стюарта Милля. Лейпциг : В. Гергард, 1861. 254 с.
- Милль Дж. С. Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии. Т. 1. СПб. : В тип. К. Вульфа, 1860. 426 с.
- Нерсесянц В. С. Платон. М. : Юридическая литература, 1984. 104 с.
- Нерсесянц В. С. Сократ. М. : Наука, 1977. 152 с.
- Омельченко О. А. Монархия просвещенного абсолютизма в России: Политическая доктрина, правовая политика, государственные реформы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Омельченко Олег Анатольевич. М., 2001. 389 с.
- Осипова Н. Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестник Московского университета. Серия 18 : Социология и политология. 2015. № 4. С. 5–26. DOI 10.24290/1029-3736-2015-0-4-5-26 EDN WBORCX.

- Остроумов Н. В., Соловьев С. А., Фомичев М. Н. Правовые идеи утилитаризма в контексте экономической жизни Великобритании XIX века // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 165–172. EDN UDFJST.
- Остроух А. Н. Джереми Бентам о понятии и сущности права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 5 (244). С. 222–231. EDN TLCYXP.
- Остроух А. Н. Учение Бентама о праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Остроух Ася Николаевна. М., 2002. 240 с.
- Покровский П. А. Бентам и его время. Петроград : Тип. А. Э. Коллинс, 1916. XVI, 688 с.
- Поляков А. В., Козлихин И. Ю., Дорохин В. С. Генезис идей Чикагской школы экономического анализа права: Адам Смит и Иеремия Бентам // Science SPbU-2020 : сборник материалов Междунар. конференции по естественным и гуманитарным наукам, Санкт-Петербург, 25 декабря 2020 года / Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб. : Скифия-принт, 2021. С. 1075–1076. EDN QBHXZW.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой» // «Консультант Плюс» : справ.-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_441191/ (дата обращения: 20.05.2023).
- Прокофьев А. В. Защита интересов будущих поколений: теория и практика // Человек. 2013. № 5. С. 5–20. EDN RNPKNB.
- Резаев А. В., Трегубова Н. Д., Жихаревич Д. М. Либерализм против утилитаризма: Джон Ролз и проблема «особенности индивидов» в социальной теории // Известия высших учебных заведений. Серия : Гуманитарные науки. 2014. Т. 5, № 1. С. 31–36. EDN RZDNNN.
- Ролз Д. Теория справедливости / пер. с англ., науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. Изд. 2-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 536 с.
- Скиннер К. Истоки современной политической мысли : в 2 т. Т. 1 : Эпоха Ренессанса / пер. с англ. А. Олейникова. 2018. 462 с.
- Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамова, А. В. Панихиной. М. : ИРИСЭН : Мысль, 2012. 552, [1] с.
- Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева. М. : ИРИСЭН, 2006. 642, [1] с.
- Яркова Е. Н. Утилитаризм в России, или Может ли мораль пользы служить регулятивом для современного российского общества? // Омский научный вестник. Серия : Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 82–93. DOI 10.25206/2542-0488-2019-4-4-82-93. EDN IKVССК.
- Яркова Е. Н. Утилитаризм как нравственное основание модернизации культуры и общества (на материале западной этико-философской традиции) // Европа. 2004. № 4. С. 159–180. EDN TSXGKD.
- Sidgwick H. The methods of ethics. 3rd ed. London : Macmillan, 1884. 535 p.

Информация об авторе

Алексей Вениаминович Дмитриев, старший преподаватель кафедры истории государства и права, АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Alexey V. Dmitriyev, Senior Lecturer at the Department of State and Law History, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 21.06.2023.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 20.07.2023.